

Источник: Кузнецова В. Е. «Кибураба» Алексея Ганина : [о цикле стихов] / В. Е. Кузнецова // С думой о Есенине : сборник статей / В. Е. Кузнецова. – Мурманск, 2009. – С. 125-131.

«КИБУРАБА» АЛЕКСЕЯ ГАНИНА

Да светят крылья слов, пусть речь моя бессвязна,
Пу тот, кто знает связь метели и огня,
Я знаю, не уйдет от светлого соблазна
И мудрости венец оденет на меня.

А. Ганин

Перед нами небольшой с замысловатым названием «Кибураба» литографированный сборник — цикл стихотворений вологодского поэта А. А. Ганина (1893—1925). Из восьми помещенных в нем неравноценных по значению произведений выделяется цикл стихотворений с посвящением «З. Р.», состоящий из четырех частей.

Относительно самостоятельные порознь, они едины по теме и представляют вместе как бы «цикла в цикле». Отмеченные порядковыми римскими цифрами, они содержат по четыре строфы каждая, кроме последней части, имеющей пять строф. Единство их по теме подчеркнуто авторскими рисунками сказочной русалки в начале и в конце цикла.

В русской литературе немало примеров описания сказочного образа русалки. У Ганина своё — ганинское-решение темы: в образах русалки и лирического героя — художественное переплетение реального с вымышленным. Это придаёт стиху особую прелесть. И несмотря на отдельные смещения ударений, связанные с особенностями северного народного говора, стихи Ганина эмоциональны, образны, выразительны. «Они навевают задумчивую грусть», — так представил эти стихи в газете «Красный Север» журналист Н. Н. Парфёнов, после долгого забвения вызволяя из беспомыслия нации имя вологодского поэта Алексея Ганина [4].

Сам цикл стихов «Кибураба» в газете представлен не был. Только стихи с посвящением «З. Р.» и с указанием даты — 1917 год.

Поиски этой книги с замысловатым названием «Кибураба» были долгими.

Известно, что Алексей Ганин выпустил десять книг способом литографии. Это был своеобразный «самиздат». Книги печатались с глиняных

пластинок. По мнению Иванова-Разумника, Алексей Ганин печатал книги «китайским способом», вырезая тексты на доске, т. е. изготавливая ксилографированные издания [2].

Тираж таких книг был мал, сегодня это библиографическая редкость. Сведения о сборнике «Кибураба» Алексея Ганина имеются в библиографической книге Анатолия Тарасенкова, где указано: «Ганин Алексей. “Кибураба”» (М., «Глина», 1920, 12 стр.». Здесь вымышлено указаны: «М» — Москва и «Глина» — название издательства.

Сборник «Кибураба» хранится в архивах Института русской литературы им А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге, а в Вологде — конволют литографированных книг Ганина, изданный в 1921 году. Цикл «Кибураба» в этом сборнике не датирован. На последней странице указано лишь издательство — «Глина».

Но в Вологодской областной универсальной научной библиотеке хранится и отдельная книга: «Кибураба» — Б. м: (Глина), В. г. (1920) — 16 стр.

Титульный лист отсутствует. Написано от руки: «Литограф<афия>». Издательство указано на последней странице: «Глина» (издательство вымышлено).

В 1991 году в Архангельске в Северо-Западном книжном издательстве вышла книга Алексея Ганина «Стихотворения. Поэмы. Роман». Составители — С. Ю. Куняев и С. С. Куняев. В этот сборник были включены все восемь стихотворений цикла «Кибураба» без указания названия.

Название сборника «Кибураба» — замысловатое. Оно, вероятно, не имеет определенного смысла. Зачем это нужно было автору? Неужели это лишь дань моде авангардистской поэзии? Скорее всего, это слово для купницы крестьянских поэтов имело все же свое значение. По Молох времени унес и плеяду крестьянской купницы, и их творчество. Ведь «по чужому ли науцению, но своему ли отступничеству тысячелетнее имя Родины — Русь, Россия — мы произносим по сию пору с опасливой оглядкой: как бы нас не обвинили в великодержавном шовинизме. Воже мой! До великодержавности ли теперь, когда русские люди уже в трех поколениях живут в беспамятстве», — этими словами Александр Романов начал свой разбор лучшего творения Алексея Ганина — его поэмы «Былинное поле» [5].

А о книге «Кибураба» лишь вскользь упоминается в статьях исследователей творчества А. Ганина. Нам, северянам, книга эта интересна уже тем, что стихотворение с посвящением «З. Р.» — это документ, зафиксировавший поездку Есенина, Райх и Ганина на Соловки.

Интересна структура книги. Три первых стихотворения как бы предваряют то основное, главное, что выделено автором и рисунками, и

посвящением, и пронумеровано римскими цифрами. А последняя часть стихотворения — подведение итога размышлений автора, вывод.

В чем-то это построение книги затем будет использовано и Сергеем Есениным в сборнике «Москва кабацкая». Но композиция книги Сергея Есенина будет точно выверена: вступление, цикл «Москва кабацкая», цикл «Любовь хулигана» и вывод, заключение: «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым. Увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым...»

В сборнике же Алексея Ганина композиция книги более упрощена. Титульный лист: Кибураба. Алексей Ганин.

И больше ничего разъясняющего, что скрыто за таким названием. Тайна.

Первое стихотворение отмечено рисунками, напоминающими то ли росчерки загадочной надписи (начало), то ли голову рыбки (конец).

В нагих полях бредет в сермяге День,
Обрывки зорь за поля небо прячет.
Из мутных глаз течет унынья тень,
Седая борода дождями плачет...

Живописное слово Алексея Ганина тонко рисует картину осени. Г. В. Судаков в статье «Живописное слово поэта» отмечает, что у Алексея Ганина «И звук окрашен, и цвет звучит» [7].

Словесная живопись Ганина рисует, по-моему, вид береговых деревень, мимо которых проплывали на пароходе «падомники» Алексей Ганин, Сергей Есенин, Зинаида Райх в своем путешествии по Северу:

Кругом легла в туманы Тишина
и говор жней, и эхо проглотила.
Деревни мокнут под печалью Дня,
Избенки жмутся, скалятся стронила...

Состояние природы отражает и настроение автора.

Зинаида Райх сама рассказывала Мине Свирской, что «если она выйдет замуж, то выйдет за Алексея, что с Сергеем ее связывают чисто дружеские отношения» [6].

А вышло, что обвенчалась в Коншино, в деревне Ганина, с Сергеем Есениным. И Ганин был поручителем со стороны невесты.

Душа его болит, стонет. И боль его души словно чувствует все окружающее:

Угрюмо, глухо стонет старый сад,
в нем кто-то юность мертвую хоронит.
Стволы, шаршавая, призрачно скрипят,
В припадке грусти мечутся вороны...

С рябин летят грачонок с воробьем
В соломенный уют под застрех сеновала.

Отходит День и тучей-рукавом
кому-то машет в ласке запоздалой.

Следующее стихотворение — это зарисовка Руси кабацкой. В нем и блоковская «Незнакомка» слышна, и есенинское «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», и боль за Русь, пьяную и поруганную, и фотография страшных будней жизни, когда «шли по смрадным переулкам две грозных тени — Смерть и Зло». Блоковская интонация явно слышна в строках:

По улицам в слепой зтее
Бродил невидимый плач.
Клубился змей на каждой шее,
И раздирались смех и плач...

Сколь трагично звучит — раздирались! Не «раздавался смех и плач» — как у Блока. Здесь Зло власть берет!

И в страхе Город скалил зубы,
И в корчах был тупым и злым.

Любовь неверна, изменчива, зла:

А Ты с огнем моих лобзаний,
Бросая в небо звездный плаг,
Ушла прекрасной в отсвет ранний
Иных влюбленных целовать.

Грусть и печаль, зло и добро в «долинах зла» однако не сделали душу автора мертвящей, и вырваться из царства печали и зла автор смог. Вель душа поэта живая:

Не правда ль, добрый Бог, я стал, как пес бродячий?
Не радость мне дает лучей Твоих тепло...

И грусть, и печаль — да, это в жизни пришлось испытать, но живое к живому стремится:

Омыть теперь, омыть бы ноющее тело
Заботливой рукой, прозрачною водой,
Счесать с волосев пыль и в ласковой постели
Шептать, что пройден путь и кончен бой с нуждой.

Весь цикл наполнен яркими, колоритными, самобытными эпитетами. Здесь и цветовая палитра, и звуковое сопровождение:

О дай мне, дай мне, Бог, Ты в ризах белотканых,
Покоем и теплом единый миг дышать.
Как тихо бы Тебе, избитая пинками,
Не помня горьких ран, молилася душа.

Цветная картина усилена звуковыми, «вкусовыми», музыкальными образами [7].

Как сладко бы теперь сквозь окна голубые
Смотреть, как гаснет день, и звезды-воробьи,
Проклевывая твердь, о недоступной были
Серебряную песнь собираются пролить.

Удивительно воображение поэта: сладко смотреть (не есть), звезды-воробьи проклевывают твердь, песнь — серебряная! Тонкое звучание серебра слышится, но серебряную песнь пролить готовы. У Ганина использованы эпитеты-символы, эпитеты-образы. Метафорична его речь. И в этом многоцветном мире, звучащем то добро, то зло, побеждает светлое чувство, светлая печаль.

Автор выделяет цика в цикле. Отделяя его и рисунками, и посвящением «З. Р.» (Зинаиде Райх), и римскими цифрами, обозначая порядок каждой части. Меняется и музыкальная тональность цика.

Русалка — зеленые косы,
Не бойся испуганных глаз.
На сером оглохшем утесе
Продли нецелованный час.

Эпитеты здесь — образные, изящные, неожиданные: косы русалки — зеленые, глаза — испуганные, утес — оглохший, час — нецелованный...

В письме ко мне дочь Зинаиды Райх и Сергея Есенина Татьяна Сергеевна Есенина по памяти приводила это четверостишие: «Стихи, о которых идет речь, были мне знакомы задолго до того, как мать решила посвятить меня в историю своего замужества. У Зинаиды Николаевны была небольшая деревянная шкатулка, в которой она хранила самые дорогие свои сувениры. Иногда она перебирала эту шкатулку и, если я оказывалась рядом, доставала стихи Ганина и прочитывала их вслух. Помню (возможно, не совсем точно) первую строфу:

Русалка, зеленые косы.
Не бойся испуганных глаз.
На желтом песчаном откосе
Продли нецелованный час.

К чтению мать почти ничего не добавляла, говорила только, что поэт, подарившего ей эти стихи во время поездки к Белому морю, нет уже в живых...» [1]

В строчке «желтый песчаный откос» дочери Зинаиды Николаевны запомнилась цветовая гамма откоса средней полосы. Но как точно Ганин нарисовал пейзаж Севера, Беломорья: серый оглохший утес. Безмолвная тишина. Серые утёсы берегов — это верно схвачено. Как и в первом стихотворении цика «Кибураба»: «Кругом легла в туманы Тишина»...

«Грусть по-ганински — это печаль и благодать одновременно, поэтому “грусть, как синь, прозрачна”. «Синяя тоска» — это тоже светлое

чувство, предвестие добра» — такое наблюдение над цветовой гаммой цикла сделал Г. В. Судаков [7].

«Синеглазые ночи», «златокудрые дни», «лазурное море», «одежды солнечной пряжи» — такая яркая палитра Севера у Ганина в этом цикле. Это свет любви. Свет яркого сильного чувства. Г. В. Судаков отмечает, что в цикле «для усиления эмоций, кроме цветных используются звуковые, музыкальные образы:

Из сердца свирель золотую
Я выкую в синей тоске...

Свирель у поэта часто служит волшебным знаком доброго, милостивого» [7].

Музыка моря, музыка стиха пронизывает стихи, посвященные Зинаиде Райх. Здесь вымышленное и реальное переплетено, но мы легко узнаем, кто это зашифрован стихом. Узнаваем Сергей Есенин. И обликом, и строчками стиха («О красном вечере задумалась дорога», и мелодикой ритма.

Ей сказками на сердце дышит
Разбойник с кудрявых полей.

Он чешет ей влажные косы,
И в море стихает гроза,
И негой из синего плеса,
Как солнце, заискрят глаза.

Лицо ее тихо и ясно,
Что друг ее — ласковой струй,
И песней о вечере красном
Сжигает в губах поцелуй.

Добрый, многоцветным, светлой печалью овеванным рисуется автором мир Севера:

Под небо мой радужный пояс
Взвьется с полярных снегов...

Это образ полярного сияния.

«Луна упадет, разобьется» — такую картину наблюдать на море доводится всякому, на корабле плывущему. Или иное:

И тихо на море качнется
Туманом седым борода...

Живописное слово поэта рисовало северную поездку ярко и образно, эмоционально и трепетно. Печальность грустная русской души песенным ладом звучит в этом цикле.

И как заключение — итог северного путешествия:

В поле безлюдно. Я в поле один
Вижу: от Севера встал Исполни...

Трудное решение в жизни принято: с этим надо жить.

Песни, чье имя Любовь и Мечты,
Льдами легли в снеговые цветы.

Любовная интрига завершена: любимая женщина стала женой
друга:

Вечной пустыней легли следы.
В ладонях — колючие облаки-льды.

Льдами покроется солнечный лик,
В поле никто не услышит крик.

Это путешествие по Северу — до сих пор не до конца раскрытое белое пятно в биографиях Есенина, Райх и Ганина. Великолепными конспираторами они были, если до сих пор маршрут их поездки не расшифрован. А вот колорит и настроение поездки передано в двух стихотворениях Есенина («Небо ли такое белое, или солью выцвела вода» и в отрывке «Райское селение») [3], а также в книге стихов Алексея Ганина «Кибураба», где, возможно, и в названии скрыт какой-то символ этого путешествия. Символ, понятный лишь им — участникам поездки по Белому морю в 1917 году. Эти стихотворения воплощают душевные движения, воссоздают незримый внутренний мир переживаний автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив музея Сергея Есенина при Областной детско-юношеской библиотеке г. Мурманска.
2. Демидов Е. А. Литографированные издания Алексея Ганина // К тебе пришел я, край родимый. — Вологда, 2005. — С. 101—108.
3. Кузнецова В. Е. Райское селение // Наука и бизнес на Мурмане. — 2000. — № 6. — С. 81.
4. Царфенов Н. Н. Посвящается «З. Р.» // Красный Север. — Вологда. — 1977. — 14 апр.
5. Романов А. В минуту грозы — на столетие беды // Литературная Россия. — 1990. — 18 мая.
6. Свирская Миша. Из воспоминаний // Минувшее. — 1989. — № 7, Aldeneum-Paris, 1989. — С. 50.
7. Судаков Г. В. Живописное слово поэта // К тебе пришел я, край родимый. — Вологда, 2005. — С. 91—100.

Наука и бизнес на Мурмане. — Мурманск, 2007. — № 1. — С. 12—16.